

Модели урегулирования территориальных конфликтов

Владислав Валерьевич Фрольцов^{1a}, Таисия
Викторовна Мармونتova^{2b}, Андрей Георгиевич
Большаков^{3c}, Артур Викторович Атаев^{4d}

¹ Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

² Институт дипломатии Академии государственного управления при
Президенте Республики Казахстан, Нур-Султан, Казахстан

³ Казанский федеральный университет, Казань, Россия

⁴ Московский государственный институт культуры, Москва, Россия

^a froltsov@bsu.by, vlad.froltsov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9351-2632>

^b marmontova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9162-297>

^c bolshakov_andrei@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5036-000>

^d urataev@gmail.com

Аннотация. В статье представлены материалы научной дискуссии, проведенной в Национальном исследовательском институте развития коммуникаций (Москва, Россия), основной темой которого был опыт урегулирования территориальных конфликтов. Рассмотрен широкий спектр вопросов, связанных с теорией и практикой реализации разного рода подходов к разрешению кризисов. Охарактеризованы основные политико-правовые подходы и дипломатические инструменты организации международного посредничества в деле урегулирования территориальных конфликтов. Представлены результаты исследования исторического опыта международного посредничества в урегулировании территориальных конфликтов. Предложена основанная на данных методика, позволяющая оценить информационные источники, направленные на освещение конфликта. Рассмотрены имевшие место в разный период времени конфликты в Центральной Азии и на Кавказе. Территориальные конфликты многочисленны в регионе Центральной Азии. В основном они связаны с отсутствием официальных государственных границ между тремя странами: Кыргызстаном, Таджикистаном, Узбекистаном. Наиболее

сложным, масштабным и кровопролитным является конфликт между Кыргызстаном и Таджикистаном в 2021 году, который был поддержан вооруженными силами двух стран. Переговоры, делимитация и демаркация границ – пока наиболее существенная альтернатива существующим конфликтам. Установлены особенности их протекания, выделены инструменты управления данными событиями. Предложен набор рекомендаций, имеющий научное и практическое значение в части применения стратегий антикризисного реагирования на постсоветском пространстве.

Ключевые слова: Международное посредничество, государства-посредники, демаркационная линия, локальный плебисцит, региональные организации, территориальный конфликт, анклав, переговоры, урегулирование конфликта, открытые границы, информация

Для цитирования: Фрольцов В.В., Мармونتова Т.В., Большаков А.Г., Атаев А.В. Модели урегулирования территориальных конфликтов // Россия и мир: научный диалог. 2022. № 2(4). С. 22-37. [https://doi.org/10.53658/RW2022-2-2\(4\)-22-37](https://doi.org/10.53658/RW2022-2-2(4)-22-37)

Original article

Political sciences

[https://doi.org/10.53658/RW2022-2-2\(4\)-22-37](https://doi.org/10.53658/RW2022-2-2(4)-22-37)

Models for the settlement of territorial conflicts

Vladislav V. Frolov^{1a}✉, Taisiya V. Marmontova^{2b}✉,
Andrey G. Bolshakov^{3c}✉, Artur V. Ataev^{4d}✉

¹ Belarusian State University, Minsk, Belarus

² Institute of Diplomacy, Nursultan, Kazakhstan

³ Kazan Federal University, Kazan, Russia

⁴ Moscow State Institute of Culture, Moscow, Russia

^a froltsov@bsu.by, vlad.froltsov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9351-2632>

^b marmontova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9162-297>

^c bolshakov_andrei@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5036-000>

^d urataev@gmail.com

Abstract. The article presents the materials of a round table held at the National Research Institute for the Communications Development (Moscow, Russia), the main topic of which was the experience of resolving territorial conflicts.

A wide range of issues related to the theory and practice of crisis resolution practices is considered. The main political and legal approaches and diplomatic instruments to international mediation in the settlement of territorial conflicts are characterized. The results of the study of the historical experience of international mediation in the settlement of territorial conflicts are presented. A data-based methodology is proposed that allows evaluate information sources covering the conflict.

The conflicts in Central Asia and the Caucasus that took place in different periods are considered. Territorial conflicts are numerous in the Central Asian region. They are mainly related to the absence of official state borders between the three countries: Kyrgyzstan, Tajikistan, Uzbekistan. The most complex, large-scale, and bloody is the conflict between Kyrgyzstan and Tajikistan in 2021, which was supported by the armed forces of the two countries. Negotiations, delimitation, and demarcation of borders are still the most significant alternative to existing conflicts.

The tools for managing these events are highlighted. A set of recommendations is proposed that has scientific and practical significance in terms of anti-crisis response strategies in the post-Soviet space.

Keywords: International mediation, intermediary States, demarcation line, local plebiscite, regional organizations, territorial conflict, enclave, negotiations, conflict resolution, open borders, information

For citation: Vladislav V. Froltsov, Taisiya V. Marmontova, Andrey G. Bolshakov, Artur V. Ataev. Territorial Conflicts: Settlement Experience: Materials of Scientific Discussion. *Russia & World: Scientific Dialogue*. 2022. No. 2(4). pp. 22-37. [https://doi.org/10.53658/RW2022-2-2\(4\)-22-37](https://doi.org/10.53658/RW2022-2-2(4)-22-37)

Введение

Сравнительный анализ эффективности использования различных политико-правовых подходов и дипломатических инструментов для разрешения территориальных конфликтов представляет значительный исследовательский интерес, не только исходя из необходимости предоставить обобщающую характеристику исторического опыта мирного урегулирования вооруженных конфликтов, но и предложить наиболее эффективную, оптимальную модель международного посредничества в условиях современного переформатирования мировой политической системы и обострения геополитических противоречий.

Территориальные конфликты являются одними из самых распространенных в мире. Несмотря на то, что они являются в большинстве своем достаточно интенсивными (конфликт между Азербайджаном и Арменией, конфликт между Кипром и Турцией, Кашмирский конфликт и др.), они принципиально поддаются урегулированию. Своя специфика управления территориальными конфликтами есть на постсоветском пространстве. Эти конфликты являются, как правило, пролонгированными, а способы их урегулирования не меняются десятилетиями. Наиболее известный метод – это переговоры, на которых договариваются о делимитации и демаркации спорных границ и принадлежности анклавов.

Формирование информационных потоков – важный аспект работы по урегулированию разного рода кризисов. Современная ситуация показывает, что информационная составляющая сегодня может оцениваться как составная часть любого, в том числе и территориального, конфликта; таким образом, использование таких методик, как контент-анализ и веб-аналитика, позволяет получить верифицированный набор данных, анализ которых даст возможность сделать обоснованные выводы, на основании которых может приниматься точечное управленческое действие.

Материалы и методы

Авторы использовали разные методологические подходы и методы для своих исследований. Обмен этими подходами в ходе научной дискуссии позволил выделить наиболее результативные и перспективные, к числу которых относятся системный метод, метод исторической перспективы, компаративный метод, статистический метод, моделирования, конкретно-исторического анализа, сопоставительного анализа, контент-анализа при помощи ряда специализированных утилит.

В.В. Фролов представил краткие результаты сравнительно-исторического анализа опыта международного посредничества в урегулировании территориальных конфликтов, обозначив сильные и слабые стороны основных подходов и инструментов, применявшихся для решения этой актуальной проблемы международных отношений.

Т.В. Мармонтовой были привлечены для контент-анализа материалы региональных СМИ приграничных территорий России и Казахстана (девять СМИ в шести регионах) в период с 24 февраля по 1 марта 2022 года, сделаны выводы по поводу того, как использовать инструментальные способы анализа при формировании информационной политики. Представленные материалы позволяют на основе анализа исторического опыта разрешения конфликтов показать существующую логическую преемственность в процессе их урегулирования. Постсоветское пространство потенциально имеет высокую конфликтогенность, связанную с этнической пестротой, разной направленностью геополитических интересов, высокой степенью влияния разных акторов. Потенциально конфликт стоит считать одной из фаз общественно-политического развития, при этом опыт прохождения через конфликт драматичен, болезненно отражается в общественном сознании. В силу этого важно помнить, что любой кризис имеет тенденцию к повторению, и наличие аналитического задела по поводу того, как его урегулировать, какие последствия имеют долго-, средне- и краткосрочный характер, помогут лицам, принимающим решения в построении алгоритма управленческого действия. В результате исследования можно увидеть логику анализа и набор данных, связанных с изучением реальной ситуации.

А.Г. Большаковым использована методика кейс-стади, которая анализирует конкретные случаи приграничных конфликтов, позволяет исследовать территориальные претензии и споры между странами Центральной Азии, в особенности расположенными в Ферганской долине. Различные кейсы сравниваются между собой для конструирования целостной теории урегулирования конфликтов в регионе.

А.В. Атаевым привлечены материалы шариатского суда во время территориального спора между Чечней и Ингушетией, материалы подписанного в Москве Соглашения о прекращении огня и разъединении сил в грузино-абхазском вооруженном конфликте 1992–1993 годов, статистические материалы о составе Коллективных сил по поддержанию мира в том конфликте.

Результаты исследования

Исторический опыт международного посредничества в урегулировании территориальных конфликтов (Фрольцов В.В.)

Всесторонняя характеристика и системная оценка многогранного исторического опыта деятельности различных международных посредников в процессе урегулирования территориальных конфликтов представляет особый интерес как для исследователей в сфере международных отношений, так и для специалистов-практиков. В современных условиях переформатирования системы международных отношений они сталкиваются с необходимостью найти оптимальные модели и механизмы предотвращения и урегулирования территориальных конфликтов, которые не только не стали достоянием истории, но и заметно обострились в начале XXI века.

Традиционным посредником в урегулировании таких конфликтов на протяжении многих веков выступала третья сторона в лице государства, интересы которого конфликт не затрагивал напрямую или даже косвенно и которому стороны конфликта могли доверять в равной степени. Выбор такого посредника всегда представлял значительную сложность, так как степень доверия к нему сторон конфликта могла изменяться под воздействием как самого хода переговоров, так и различных внешних факторов.

Так, для достижения мирного договора по итогам первого крупного вооруженного конфликта XX века – Русско-японской войны 1904–1905 годов в качестве посредника был приглашен президент США Т. Рузвельт, который, как предполагалось, мог обеспечить приемлемые условия для обеих сторон. В результате они не устроили ни Россию, ни Японию, что создало условия для перманентного территориального спора на Дальнем Востоке¹. Он не потерял актуальности и в XXI веке с учетом актуализации претензий Японии на российские Южные Курилы, очередное озвучивание которых произошло в марте 2022 года на фоне введения западных санкций против России².

Важен также опыт урегулирования территориальных конфликтов после Первой мировой войны, которая продолжалась более четырех лет, унесла жизни более 18 млн человек и вошла в память современников как Великая война. Намереваясь создать долгосрочные условия для сохранения мира в Европе, в 1919–1921 годах бывшие участники конфликта прибегли к новому формату урегулирования территориальных споров. Он включал работу специальных комиссий по изучению этнической, конфессиональной и языковой ситуации в спорных регионах, в том числе на основании этнографических исследований. Таким образом, к примеру, была установлена «линия Керзона». Названная в честь главы МИД Великобритании 1919–1924 годов лорда Дж.Н. Керзона,

1 Мирный договор между Россией и Японией, заключенный в Портсмуте 28 августа / 5 сентября 1905 г. // цит. по: Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М., 1952. С. 337–341.

2 Заявление МИД России об ответных мерах на решения Правительства Японии // МИД Российской Федерации [Электронный ресурс]. 21.03.2022. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1805541/.

демаркационная линия учитывала особенности расселения белорусского, украинского и польского населения на территории от Гродно до Карпат и была рекомендована Верховным советом Антанты в декабре 1919 года для проведения восточной границы Польши³. В результате Польско-советской войны 1919–1921 годов и Рижского мирного договора 1921 года она прошла намного восточнее. Однако по итогам Второй мировой войны державы-победительницы вернулись к «линии Керзона». Именно она в 1945 году с незначительными коррективами легла в основу польско-советской границы, а с 1991 года – и нынешней границы Польши с Республикой Беларусь и Украиной⁴.

Другим инструментом национально-территориального размежевания стало проведение локальных (кантональных) плебисцитов, которые были призваны определить желание населения отдельных районов жить в составе того или иного государства. По такому принципу была установлена в 1920 году нынешняя линия границы между Германией и Данией, которая осталась неизменной даже после вторжения германских нацистов в Данию в 1940 году⁵.

В ходе функционирования ООН как универсальной международной организации вполне действенным показал себя механизм независимого арбитража для определения территориальной принадлежности спорных участков, особенно между новыми независимыми государствами в Азии, Африке и Южной Америке. Их границы были установлены в колониальный период исходя из интересов европейских метрополий и, как правило, не учитывали этноконфессиональный состав населения.

Общественно-политический ландшафт казахстанско-российского приграничья через призму региональных СМИ (Мармонтова Т.В.)

В рамках решения задач предотвращения и регулирования конфликтов важную роль играет анализ коммуникативного пространства. Одной из серьезных составляющих такого пространства выступает региональная пресса.

Республика Казахстан и Российская Федерация имеют очень прочные связи. Нормативно-правовая база двустороннего сотрудничества составляет порядка 300 различных договоров и меморандумов.

При проведении анализа гипотеза состояла в том, что все общественно-политические процессы имеют определенное отражение в информационном поле. Региональная пресса может позволить оценить активность подобных взаимодействий и сделать выводы об их глубине.

3 Нота Министра иностранных дел Великобритании Керзона от 11 июля 1920 г. («Линия Керзона») // цит. по: Документы внешней политики СССР: в 24 т. М., 1959. Т. 3. С. 54–55.

4 Решения конференции. 4–12 февраля 1945 г. (Ялтинская (Крымская) конференция 1945 г.) // цит. по: Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. : сб. док.: в 6 т. М., 1984. Т. 4. С. 247–253.

5 Teil II. Deutschlands Grenzen. Artikel 27 / Friedensvertrag von Versailles. Vom 28. Juni 1919 // Documentarchiv.de [Электронный ресурс]. 3.01.2004. URL: <http://www.documentarchiv.de/wr/vv02.html>.

Для подтверждения гипотезы было проведено исследование региональной прессы как со стороны Республики Казахстан, так и со стороны Российской Федерации.

В частности, со стороны Казахстана было проанализировано содержание региональных СМИ таких городов, как Павлодар, Петропавловск и Костанай. С учетом наличия тесных культурных и экономических связей между городами приграничья с российской стороны были изучены региональные СМИ Новосибирска, Омска и Челябинска.

Был проведен контент-анализ новостных лент 9 СМИ в 6 регионах (по три со стороны РК и РФ). При проведении контент-анализа в расчет был принят временной интервал между 24 февраля и 1 марта. Кроме того, для определения особенностей информационных потоков в интернет-пространстве был проведен веб-анализ сайтов данных СМИ при помощи ряда специализированных утилит.

В результате сопоставительного анализа информации в контексте СМИ Павлодара и Новосибирска были получены следующие результаты. В региональных СМИ Павлодара⁶ в данный период было опубликовано 75 заметок, и только 5 – по тематике международной ситуации. В региональных СМИ Новосибирска⁷ было опубликовано 542 заметки, по тематике, связанной с международной ситуацией, – 49 заметок.

Оценивая содержание заметок, которые затрагивали вопросы международной повестки, отметим, что со стороны Казахстана преобладали темы, связанные с выходящей миграцией, количеством тех, кто покинул пределы области.

СМИ Новосибирска сосредоточились на основном событии – конфликте на Украине и связанных с этим последствиях для РФ: санкции, ограничения и проч.

В результате сопоставительного анализа информации в контексте СМИ Костаная и Челябинска были получены следующие результаты. В региональных СМИ Костаная⁸ в указанный период было опубликовано 163 заметки, и 16 из них – по тематике международной ситуации. В региональных СМИ Челябинска⁹ было опубликовано 378 заметок, по тематике, связанной с международной ситуацией, – 53 заметки.

Анализ контента позволил определить информационные доминанты, связанные с реакцией на ситуацию на Украине, дать оценку экономических эффектов от санкций (как прямых, на Россию, так и опосредованных, на Казахстан), а также обозначить более локальные тематики (спорт, миграция и пр.).

В результате сопоставительного анализа информации в контексте СМИ Петропавловска и Омска были получены следующие результаты. В региональных СМИ Петропавловска¹⁰ в указанный период была опубликована 171 заметка, и 40 из них – по

6 «Павлодар онлайн». URL: <https://pavon.kz/>; «Обозрение недели». URL: <https://obozrenie.kz/>; «Наша жизнь». URL: <https://lifepvl.kz>.

7 «Тайга.инфо». URL: <https://tayga.info/>; «Новосибирск-онлайн». URL: <https://ngs.ru/>; VN.ru – Все новости Новосибирской области. URL: <https://vn.ru/>.

8 «Костанайские новости». URL: <https://kstnews.kz/news/>; «Наша газета». URL: <https://www.ng.kz/>; «Костанай-агро». URL: <https://qagro.kz>.

9 74.ru, 101.ru, «Портал Челябинск сегодня». URL: <https://cheltoday.ru>.

10 «Петропавловск News». URL: <https://pkzsk.info/>, URL: <https://www.7152.kz>, «Мой город». URL: <https://mygorod.kz/>.

тематике международной ситуации. В региональных СМИ Омска¹¹ было опубликовано 443 заметки, по тематике, связанной с международной ситуацией, – 67 заметок.

Анализ содержания новостных лент говорит о безусловном присутствии тематики, связанной с проблемой военных действий на Украине, но выражена она в большей степени в российской прессе. СМИ Казахстана захватывают не только основной, но и локальные инфоповоды.

В плане анализа контента о Казахстане и России в СМИ стоит говорить о его фрагментарном, несистемном характере. Заметки носят эпизодический характер и связаны с какими-то конкретными событиями. Был обнаружен единственный материал оценочного характера: в одном из СМИ Челябинска просматривалась информация о качественных и недорогих товарах из Казахстана.

Веб-аналитика сайтов показала однозначный факт того, что Казахстана как триггера новостной информации нет. Об этом свидетельствует анализ входящего и исходящего трафика, а также изучение географии заходов на сайты. При анализе географии посещений сайтов СМИ из Казахстана можно видеть четкую тенденцию: трафик из России занимает второе-третье место.

Обсуждение

В качестве рекомендаций можно предложить на уровне региона активизировать работу со СМИ, имеющими государственный информационный заказ в плане информирования о ситуации в регионе. Причем регионам Российской Федерации в условиях растущего санкционного давления и при важности Казахстана как ценного партнера необходимо работать над устойчивыми каналами информирования своих граждан о том, что именно можно получить в соседней стране, когда ресурсы собственного региона ограничены. Отсутствие качественной информации о соседней стране, по сути, создает прекрасный фон для того потока «токсичных» заявлений от медийных персон в центральной части страны – они просто ничего не знают о Казахстане.

Опыт урегулирования территориальных конфликтов в постсоветский период (на примере региона Центральной Азии) (Большаков А.Г.)

Регион Центральной Азии трактуется в научных исследованиях на современном этапе по-разному. Некоторые исследователи отказывают такому региону в субъектности, другие расширяют его до Центральной и Южной Азии. При этом в состав региона включают: Монголию, Афганистан, Пакистан, Иран, часть Индии, часть Китая, часть Российской Федерации. В России привычной является точка зрения, включающая в его состав пять бывших советских республик. Она наиболее традиционна

¹¹ «Супер Омск». URL: <https://superomsk.ru/>; «Город 55» <https://gorod55.ru/>; «Новый Омск». URL: <https://newsomsk.ru/>.

и фактически заменила советскую трактовку: «Казахстан и Средняя Азия». Последнее словосочетание включало четыре советские республики. Исходя из этого понимания региона мы и рассматриваем опыт регулирования территориальных конфликтов.

В советское время границы в Центральной Азии были проведены достаточно произвольно, в основу были положены задачи плановой советской экономики. Но в едином государстве территориальных проблем у республик не возникало (3). После распада Советского Союза положение изменилось. Для населения приграничных районов и анклавов родные места превратились в соседнюю независимую страну, а родственники оказались гражданами других суверенных государств. В настоящее время в Туркменистане нет анклавов и эксклавов, у Казахстана нет анклавов, но есть два эксклава в Узбекистане, в Таджикистане нет анклавов, но есть два эксклава в Кыргызстане и один в Узбекистане. В Кыргызстане – четыре узбекских анклава и два таджикских, в Узбекистане – один узбекский анклав, 1 киргизский анклав и два казахских анклава. Правда, в одном из них население просто отсутствует.

Анклавы существуют достаточно гармонично на территории многих стран, но главная проблема анклавов в регионе Центральной Азии – это сотни километров несогласованных границ (4, с. 45-46). Процесс переговоров и первые договоры о демаркации границ в регионе начались в конце 90-х годов XX века. Казахстан – признанный лидер в установлении границ, но процесс переговоров по делимитации границ с Туркменистаном занял 17 лет, с Кыргызстаном казахи договаривались 20 лет, с Узбекистаном процесс переговоров близок к завершению, но еще не закончен.

Наиболее сложная ситуация оказалась в Ферганской долине, где граничат между собой Узбекистан, Кыргызстан и Таджикистан. Плотность населения здесь велика, уровень жизни низкий. Население занято сельским хозяйством и скотоводством. Ресурсы воды и земли ограничены. Такое положение само по себе увеличивает возможность возникновения конфликтов. Безработица среди молодежи радикализует общество (3, с. 75-90). На данной территории большое значение имеют организованная преступность и наркотрафик. Поэтому Ферганская долина – это совокупность территориальных проблем, которые из-за переплетения множества противоречий сложно решить (3, с. 148-150).

Прежнее руководство Узбекистана, который граничит со всеми странами Центральной Азии, осуществляло жесткую политику в решении приграничных споров. Широко известно, что, опасаясь проникновения в страну исламских экстремистов, Узбекистан в 2000 году заминировал границу с Кыргызстаном и Таджикистаном. Так как граница во многих местах оставалась условной, то на минах подрывались мирные жители.

С приходом к власти в Узбекистане Ш. Мирзиёева отношения с ближайшими соседями стали приоритетом. Обсуждение пограничных вопросов возобновилось. Государства готовы идти на компромиссы. Так, Узбекистан и Туркменистан возобновили переговоры по несогласованным участкам границ – этот вопрос не обсуждался с 2000 года. Общая протяженность границы между странами составляет 1650 км. В ближайшее время ожидается подписание итоговых документов.

Переговоры между Узбекистаном и Казахстаном по демаркации границы начались в 2003 году и активизировались в 2017 году. Стороны почти завершили процесс демаркации границы, которая составляет около 2300 километров, и готовят заключительные документы. Государства не имеют каких-либо спорных приграничных участков.

Из 1300 км узбекско-таджикской границы 20% были спорными. Ш. Мирзиёев и Э. Рахмон в марте 2018 года подписали договор об отдельных участках границы. С тех пор совместная комиссия по демаркации границ собирается регулярно.

Положительные изменения происходят и между Узбекистаном и Кыргызстаном. В сентябре 2019 года два государства впервые обменялись равноценными участками территории. Согласованные линии границы составляют уже 92%.

Но ситуация на границе Кыргызстана и Таджикистана до сих пор нестабильная. Линия кыргызско-таджикской границы составляет около 980 км, из которых делимитированы и демаркированы только 60%. В последние годы были и некоторые сигналы того, что ситуация на границе стала меняться в положительную сторону. Так, в июле 2019 года президенты двух стран, С. Жээнбеков и Э. Рахмон встретились в приграничном районе между Кыргызстаном и Таджикистаном, чтобы обсудить вопросы границ. Тогда на встречу лидеров возлагали большие надежды, но через два месяца произошло очередное столкновение на границе.

Только в 2020 году между гражданами Кыргызстана и Таджикистана произошло более десятка насильственных конфликтов из-за спорных территорий. В результате столкновений погибли и получили увечья военнослужащие и жители приграничных районов.

Самым кровопролитным конфликтом в регионе за последние 20 лет стали события в конце апреля – начале мая 2021 года у границ двух стран. В нем приняли участие не только местные полупартизанские отряды, но и военные двух государств с применением минометов, авиации и тяжелой техники, в результате чего погибли десятки человек с обеих сторон и сотни получили ранения. Также пострадали около десятка сел, сгорели дома и другие объекты, более 50 тыс. человек были эвакуированы из зоны конфликта. Но даже после урегулирования этого конфликта небольшие инциденты на границе продолжают.

Конфликт начался в районе водораспределительного пункта «Головной», который в Кыргызстане считают своей территорией, а в Таджикистане – своей. Как утверждают кыргызские власти, представители Таджикистана начали устанавливать видеокамеры на столбе возле пункта распределения воды (пополняющее Торткульское водохранилище) в Баткенском районе. Это вызвало недовольство местных жителей и привело к очередному инциденту. Сначала стороны забрасывали друг друга камнями, но затем к конфликту подключились пограничные части двух стран. По мнению кыргызской стороны, водораспределительный узел «Головной» является «стратегическим объектом и находится на территории Кыргызстана». В свою очередь, в Таджикистане утверждают, что в соответствии с картами 1924–1927 и 1989 годов «Головной» «всецело принадлежит Республике Таджикистан».

Большинство насильственных столкновений на кыргызско-таджикской границе происходят из-за противоречий, связанных с инфраструктурой, земельными и водными ресурсами и строительством на спорных участках. Из-за конфликтов в этих районах пограничники часто блокируют пропускные пункты, что приводит к проблемам. Доступ на территорию соседних стран перекрывается, в том числе для граждан этих стран, проживающих в анклавах.

Вооруженный приграничный конфликт между Кыргызстаном и Таджикистаном 2021 года вывел взаимную неприязнь с прежнего локального уровня до национального масштаба в обеих странах. Тем не менее, в отличие от других мировых территориальных конфликтов, как в Карабахе, Тибете или на Кипре, лидеры Центральной Азии публично придерживаются мирной риторики и призывают к добрососедским отношениям, а конфликт называют «трагедией двух родственных народов». В сложившейся ситуации необходимо продолжить переговоры по границам, хотя договариваться по спорным ситуациям становится сложнее, неурегулированными остались наиболее спорные моменты.

Подходы к разрешению территориальных споров на Кавказе: нормативно-правовой, силовой, договорной (Атаев А.В.)

В международной практике указывается, что территориальный спор определяется как международный спор между государствами, а во внутригосударственном территориальном споре сторона конфликта опротестовывает существующий административно-территориальный принцип деления территории.

Территориальные споры на Кавказе существуют как «объективно существующее столкновение интересов» и протекают как на международном, так и на внутригосударственном уровне. Фактически к 2022 году территориальные споры на Кавказе приобрели статус уже «выкристаллизовавшихся и сформулированных разногласий». Этому способствует то, что субъектами территориального спора выступают государства, главы государств, главы субъектов, общественные институты, крупные общественные организации кавказских государств и республик.

Следует обратить внимание на то, что вопросы классификации территориальных споров остаются дискуссионными. Проанализировав различные способы разрешения конфликтов, можно выделить три основных подхода: нормативно-правовой, переговорный и силовой.

Нормативно-правовой подход предполагает обращение сторон конфликта в международный суд либо другой орган. Но применительно к административно-территориальным спорам между субъектами России есть факты обращения в шариатский суд. Например, во время спора между Чечней и Ингушетией глава Парламента Чечни М. Даудов обратился в шариатский суд и инициировал таким образом рассмотрение территориального спора между Чечней и Ингушетией. Этот территориальный спор получил старт осенью 2018 года, когда соглашение о регулировании территориального спора было подписано главами Чечни и Ингушетии Рамзаном Кадыровым и Юнус-Бекон Евкуровым.

Спор достиг апогея после акций протеста, организованных рядом общественных активистов и некоторыми некоммерческими организациями.

Следует отметить, что при таком подходе самостоятельные действия сторон по разрешению конфликта ограничены, они введены в рамки установленных правил. Как следствие, недовольство хотя бы одной из сторон принятым решением грозит вылиться в будущем в новый конфликт.

Положительным моментом такого подхода является согласие обеих сторон на разрешение конфликта путем обращения в судебную инстанцию. Это не односторонние, а совместные действия сторон, которые стремятся хоть таким способом разрешить конфликтную ситуацию. Проблема же такого подхода заключается в том, что судебные решения, как правило, не изменяют характера отношений сторон.

Зачастую они так и остаются конфликтными, что повышает вероятность возникновения нового конфликта; выполнение решений суда имеет ограниченный характер, не распространяясь на светскую часть общества. Шариатский суд не обладает автоматическим правом разрешать конфликты, а начинает действовать лишь тогда, когда к нему обратятся все конфликтующие стороны.

Силовой подход предполагает насильственное разрешение конфликта. Способов такого разрешения несколько, это могут быть действия миротворческих международных сил или же силовое вмешательство или присутствие одного или нескольких государств.

Приведем ряд примеров, касающихся закавказских государств. Так, основанием для миротворческой деятельности Российской Федерации в зоне грузино-осетинского конфликта являются Сочинское соглашение 1992 года, а также решения Смешанной контрольной комиссии (СКК), созданной в соответствии с упомянутым Соглашением. В Южной Осетии российские войска вместе с грузинскими и осетинскими военными вошли в состав Смешанных сил по поддержанию мира (ССПМ) в зоне конфликта. В состав ССПМ вошли три миротворческих батальона. Каждая сторона – грузинская, российская и осетинская – имеет право на размещение в зоне конфликта миротворческого батальона в составе не более 500 военнослужащих. Кроме этого, они также могут дополнительно разместить еще 300 военных с разрешения СКК.

Известно, что главная цель миротворческих операций – стабилизация обстановки в районе конфликта, создание благоприятных условий для его разрешения с помощью переговоров, установление и поддержание мира. Миротворческие акции проводятся с согласия всех сторон конфликта, но не могут служить средством осуществления принудительных мер. Положительные моменты силового подхода заключаются в следующем: миротворческие силы разъединяют конфликтующие стороны, не допускают вооруженных столкновений между ними, создают и патрулируют зоны разъединения, наблюдают за прекращением вооруженных столкновений, за развитием ситуации между противниками.

Силовые действия – неэффективный способ разрешения конфликта, он лишь создает основу для будущего взаимодействия сторон, гасит насилие между ними, не разрешая конфликт по существу. Конфликт переходит в латентное состояние и в та-

ком состоянии сохраняется до тех пор, пока стороны не разрешат проблему иными средствами. В случае силового подхода наблюдается тесная связь между регулированием и разрешением конфликта, где регулирование занимает основную позицию.

Но на Кавказе есть прецедент успешной миротворческой операции России под мандатом ООН. Речь идет об акции в Абхазии. Так, 14 мая 1994 года после нескольких раундов сложных переговоров, проходивших под руководством Специального посланника Генерального секретаря ООН, противоборствующие стороны в грузино-абхазском вооруженном конфликте 1992–1993 годов подписали в Москве Соглашение о прекращении огня и разъединении сил. Стороны договорились о развертывании Коллективных сил по поддержанию мира (КСПМ) СНГ с целью наблюдения за соблюдением Соглашения. Под контролем Коллективных миротворческих сил, развернутых в июне 1994 года и полностью укомплектованных российскими военнослужащими, находилась зона безопасности шириной 24 км по линии соприкосновения грузинских и абхазских сил.

По состоянию на 1 августа 2008 года группировка КСПМ насчитывала 1561 чел. (в том числе 199 офицеров). Она была оснащена 135 ед. бронетанковой техники, 267 ед. автомобильной техники, 4 вертолетами (Ми-8, Ми-24). На вооружении КСПМ находилось 30 минометов и 2943 ед. стрелкового вооружения.

Третьим и основным способом разрешения конфликтов во второй половине двадцатого столетия стали переговоры. О значении этого способа говорит тот факт, что в целом возросло значение международных переговоров как средства решения конфликтов, увеличилось число конфликтов, получивших завершение с помощью этого средства. Расширилась и проблематика переговоров, в них стало вовлекаться большее количество людей, которые не только участвуют в самих переговорах, но и выполняют функции экспертов.

Их главное отличие от других способов заключается в том, что решение вырабатывается совместно участниками переговоров. Переговоры – это прежде всего процесс совместного принятия решений. Отрицательной чертой переговоров является то, что они могут длиться очень долго, конфликтующие стороны, не связанные никакими обязательствами, могут прерывать либо и вовсе прекращать их.

Выводы

В условиях резкого обострения международной напряженности на фоне формирования новой архитектуры международных отношений становятся особенно востребованы современные модели и инструменты международного посредничества в урегулировании территориальных конфликтов. Так, важную роль способны сыграть такие влиятельные государства, как Китай, Индия, Бразилия, Индонезия, Южная Африка. Они последовательно воздерживаются от вмешательства в любые межгосударственные конфликты и способны стать эффективными посредниками в их разрешении. Значительный потенциал сохраняют также новые региональные организации,

в числе которых можно назвать и Евразийский экономический союз, и Шанхайскую организацию сотрудничества, посреднические усилия которых могут быть сопряжены с деятельностью как институтов ООН, так и других региональных организаций.

Отсутствие освещения жизни соседнего государства – тревожная тенденция, в частности, в условиях открытого конфликта. Потенциально остается открытое поле для фейков и манипуляций, что и видно сегодня на примере того роста токсичности, которое существует в социальных сетях.

В целом такая ситуация может быть оценена как потенциально проблемная. Несмотря на большую протяженность границы, россияне не имеют официальной, верифицированной информации о приграничном Казахстане на регулярной основе. Безусловно, каналов информации сегодня достаточно. Есть телевидение, социальные сети, печатные СМИ, при этом региональная пресса может и должна служить основным средством реализации информационной политики региона.

Таким образом, территориальные конфликты (в отличие от этнических и религиозных) в регионе Центральной Азии принципиально поддаются политическому урегулированию. Отношения на данном этапе развития между государствами могут быть названы преимущественно добрососедскими, поэтому существующие противоречия и деструктивные конфликты могут быть решены в ближайшие годы. Этническая или религиозная ненависть между народами Кыргызстана и Таджикистана отсутствует, а это залог того, что территориальные конфликты в этом регионе завершатся в ближайшее десятилетие.

Основным методом решения территориальных конфликтов являются продолжительные (многолетние) двусторонние переговоры с последующей делимитацией и демаркацией границ. Однако в последующие годы может возрасти значение посредничества со стороны России и Узбекистана (1, с. 145-164). Эти предложения могут быть связаны, например, с созданием общей экономической зоны или взаимодействием всех трех стран в ЕАЭС (в настоящее время только Киргизия входит в Евразийский экономический союз, Узбекистан является наблюдателем, а Таджикистан пока не вошел в эту международную организацию – прим. А.Б.).

Общие экономические зоны, открытые границы – это не менее эффективные средства преодоления конфликтов между Кыргызстаном и Таджикистаном. Попытки искать силовые решения проблем в таких условиях бесперспективны, а дипломатия, компромиссы, постоянный диалог и переговоры постепенно становятся ведущими методами в урегулировании территориальных конфликтов в Центральной Азии.

Анализ способов разрешения конфликта позволяет говорить о том, что переговоры занимают главенствующее положение в разрешении конфликтов. Но переговоры сами по себе не будут достаточно эффективными, необходима их взаимосвязь с другими способами разрешения конфликта. При силовом подходе, например, переговоры являются вторичным средством и определяют состав миротворческих сил, их мандат, численность, время и место введения, нахождение и т.д. В то же время силовой способ останавливает насилие между противниками, стимулирует сотрудничество между ними, налаживание контактов, способствует началу нового витка переговорного про-

цесса. При правовом подходе стороны конфликта ведут переговоры о передаче дела на рассмотрение в посреднические структуры, о постконфликтном взаимодействии. Кроме того, переговорные решения также должны оформляться юридически.

Список источников

1. Гарбузарова Е.Г. (2020). Центральная Азия в современных мирополитических процессах [Central Asia in Modern World-Political Processes]. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2020. 192 с.
2. Звягельская И.Д. (2018). Ближний Восток и Центральная Азия: Глобальные тренды в региональном исполнении [The Middle East and Central Asia: Global Trends in Regional Execution]. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2018. 224 с.
3. Звягельская И.Д. (2009). Становление государств Центральной Азии: Политические процессы [The Formation of the Central Asian States: Political Processes]. М.: «Аспект Пресс», 2009. 208 с.
4. Курбонова З.М. (2019). Территориальные проблемы в Центральной Азии и пути их размежевания [Territorial Problems in Central Asia and Ways of their Demarcation] // Социальные инновации и стратегическое управление: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции. М.: Издательство «Профессиональная наука», 2019. С. 42-46.
5. Корецкая К. (2021). Конфликт на границе Кыргызстана и Таджикистана: уроки для ОДКБ [The Conflict on the Border of Kyrgyzstan and Tajikistan: Lessons for the CSTO] // «Евразия эксперт». 2021. 3 июня.

Информация об авторах

ФРОЛЬЦОВ Владислав Валерьевич. Доктор исторических наук. Профессор. Профессор кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета. <https://orcid.org/0000-0002-9351-2632>. Адрес: 220030, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Ленинградская, 20. froltsov@bsu.by, vlad.froltsov@gmail.com.

МАРМОНТОВА Таисия Викторовна. Кандидат исторических наук. Профессор Института дипломатии Академии государственного управления при Президенте Республики Казахстан. <https://orcid.org/0000-0001-9162-297>. Адрес: 0100000, Республика Казахстан, г. Нур-Султан, ул. Абая, д. 33а. marmontova@mail.ru.

БОЛЬШАКОВ Андрей Георгиевич. Доктор политических наук. Доцент. Заведующий кафедрой конфликтологии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского федерального университета. <https://orcid.org/0000-0002-5036-000>. Адрес: 420008, Российская Федерация, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18. bolshakov_andrei@mail.ru.

АТАЕВ Артур Викторович. Кандидат политических наук. Доцент кафедры культурологии Московского государственного института культуры. Адрес: 141406, Российская Федерация, Московская обл., г. Химки, ул. Библиотечная, д. 7. arturataev@gmail.com.

Вклад авторов

Все авторы сделали равный вклад в эту статью.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25 марта 2022. Одобрена после рецензирования: 11 апреля 2022. Принята к публикации: 27 апреля 2022. Опубликована: 27.06.2022.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Garbuzarova E.G. (2020). Central Asia in Modern World-Political Processes. Moscow: Aspect Press Publishing House, 2020. 192 p. (In Russian)
2. Zvyagelskaya I.D. (2018). The Middle East and Central Asia: Global Trends in Regional Execution. Moscow: Aspect Press Publishing House, 2018. 224 p. (In Russian)
3. Zvyagelskaya I.D. (2009). The Formation of the Central Asian States: Political. M.: Aspect Press Publishing House, 2009. 208 p. (In Russian)
4. Kurbonova Z.M. (2019). Territorial Problems in Central Asia and Ways of their Demarcation // Social Innovations and Strategic Management: A Collection of Scientific Papers Based on the Materials of the International Scientific and Practical Conference. Moscow: Professional Science Publishing House, 2019. pp. 42- 46. (In Russian)
5. Koretskaya K. (2021). The Conflict on the Border of Kyrgyzstan and Tajikistan: Lessons for the CSTO // «Eurasia Expert». 2021. June 3. (In Russian)

About the authors

Vladislav V. FROLTISOV. DSc (Hist.). Professor. Professor of the Department of International Relations, Faculty of International Relations, Belarusian State University. <https://orcid.org/0000-0002-9351-2632>. Address: 20 Leningradskaya str., Minsk, 220030, Republic of Belarus. froltsov@bsu.by, vlad.froltsov@gmail.com.

Taisiya V. MARMONTOVA. CandSc (Hist.). Professor of the Institute of Diplomacy, Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan. <https://orcid.org/0000-0001-9162-297X>. Address: 33a Abaya str., Nur-Sultan, 0100000, Republic of Kazakhstan. marmontova@mail.ru.

Andrey G. BOLSHAKOV. DSc (Polit). Docent. Head of the Department of Conflictology, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Kazan Federal University. <https://orcid.org/0000-0002-5036-000X>. Address: 18 Kremlevskaya str., Kazan, 420008, Russian Federation. bolshakov_andrei@mail.ru.

Artur V. ATAEV. CandSc (Polit). Associate Professor of the Department of Cultural Studies, Moscow State Institute of Culture. Address: 7 Bibliotechnaya str., Khimki, Moscow Region, 141406, Russian Federation, arturataev@gmail.com.

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Article info

Submitted: Mart 25, 2022. Approved after peer reviewing: April 11, 2022. Accepted for publication: April 27, 2022. Published: 27.06.2022.

The authors read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.